

<https://opteey.livejournal.com/>

**Редекоп Владимир
Петрович**

**Воспоминания о деревне
Григорьевка (основана в 1889,
прекратила существование в
1926). Часть 4.**

03 июля 2023

<https://opteey.livejournal.com/8999.html>

<https://amtrakt.de/kurze-gesichte/>

Memories of Grigorievka, 1910-1926 Maria (Funk) Pauls. Когда мне было двенадцать лет, я работала наемной девочкой во время сбора урожая. Я и мой брат Генри, который был на два года младше, вставали рано утром и шли работать к двум соседям, которые объединили свои молотильные работы. Им нужен был мальчик, чтобы ездить на одной из лошадей, которые тянули молотильный камень по зерну. Я должен был выносить обмолоченное зерно в ведрах, срезать снопы или даже сопровождать мужчин на поле, где я помогал строить груз, чтобы снопы прочно держались на месте. Во время моего "полуденного перерыва" Госпожа говорила: "Эй, Марихен, почему бы тебе не вымыть детям руки перед едой?". После ужина, прежде чем мне разрешали выйти из дома, меня просили вытереть столовые приборы или собрать фрукты, упавшие на землю в саду. Насколько я помню, моя зарплата в то время состояла из пшеницы для приготовления муки. Катехизис не входил в школьную программу - обычай, которому следовали меннониты из Старой колонии. В нашей деревне катехизис был частью

Jugendunterricht (обучение молодежи) как специальная подготовка к крещению и браку. Молодые люди, посещающие эти занятия, должны были иметь спонсоров, которые рекомендовали бы их общине и ручались за их готовность быть принятыми в полноправные члены. Я пошла к нашему священнику, которого я очень хорошо знала, он и его жена часто приходили к нам домой до смерти моего отца, потому что мой отец тоже был священником. Когда я навестила его по этому случаю, он сказал: "Если бы ты только могла получить от своего отца наставления по катехизису!". В то время мне было восемнадцать лет, а мой отец умер, когда мне было девять. Социальная жизнь в деревне была очень простой. Не было необходимости покидать в деревне. У нас был так называемый клуб или молодежная группа. К этому времени большинство семей перестроили свои дома так, чтобы в гостиной (Grossestube, parlour) было место для молодых людей, где они могли собираться и играть в игры - старейшины удобно ходили в гости и оставляли свои дома открытыми для молодых людей в таких случаях. Молодые люди оставались без сопровождения - родители могли нам доверять. Весной, как только погода позволяла проводить время на свежем воздухе, мы отправлялись на прогулках из школы, маршируя по деревне по двое, иногда к железной дороге или просто в открытое поле собирать цветы. У меня остались только счастливые воспоминания о школьных днях. Все это изменилось с началом войны. В армию призвали так много молодых людей, что не хватало учителей. Обычаи, регулирующие ухаживание и брак, были совершенно разными от тех, что существуют в нашем современном обществе. Помолвки отмечались дарением колец, а приглашения на свадьбу рассылались так же, как и сейчас. Однако такие крупные общественные события, как похороны или свадьба, требовали сотрудничества всей общины. Продукты питания, такие как масло и молоко, жертвовались семье, участвующей в этом событии. Некоторые женщины даже собирались в доме, где готовились булочки и сдобное тесто, а

затем развозились по разным домам для выпечки. В деревне не было пекарни. Свадьбы обычно проводились летом в одном из амбаров (Scheunen). Стены амбара были задрапированы тяжелыми полотнищами, которыми покрывали вагоны с зерном. Мужчины снимали створки дверей амбара и заменяли их окнами (storm windows), чтобы впустить больше света. Свадебный стол и стулья были расставлены перед этим импровизированным окном. Скамейки и столы также были принесены из школы. Посуду и утварь предоставили разные люди. Наша свадьба состоялась зимой в этом доме. По этому случаю Grossestube превратили в столовую. Пожилые дамы сидели в Eckstube (угловая комната). Проповедь всегда была частью свадебного торжества; часто присутствовали два или даже три священника. Один из священников на нашей свадьбе, преподобный Unruh, был из соседней деревни Петровка. Свадьба проходила во второй половине дня. Вечер был отведен для игр и танцев. Даже моя мама танцевала, как молодая девушка. В наше время мы танцевали так называемые польки. Мы не поехали в медовый месяц, в нашей деревне это было не принято. **Молодожены обычно переезжали к родителям жениха, чтобы невеста научилась готовить ту пищу, которую привык есть ее муж.**

Некоторое время отец был управляющим злополучной мукомольной мельницы в деревне, и стресс от этой работы, конечно, сказался. Когда он серьезно заболел, нам пришлось переехать в другое место. Когда мой отец стал управляющим, у фабрики были долги, и от него ожидали, что он исправит ситуацию. Но он был неподходящим человеком для этой работы - слишком доверчивым и слишком добродушным. Он проработал на этой работе около четырех лет и часто отсутствовал дома. Мой отец умер в 1914 году на больничной койке в Grossestube. Я помню, что он позвал к себе каждого из детей по очереди. Он взял меня за руку и с любовью говорил со мной - я была еще совсем маленьким ребенком. Он сказал мне, чтобы я всегда

слушалась маму. Он также сказал, что уверен в том, что мы всегда будем под Божьей опекой. Тело моего отца лежало в нашем доме до дня похорон; у нас в деревне не было гробовщика. Отца положили в Kleinstube (маленькая комната). К нам в дом пришла опытная в таких делах женщина, чтобы обмыть и подготовить тело. Гроб был сделан в деревне. Его покрасили в черный цвет и обложили древесными опилками. В него насыпали слой песка, затем простыню или ткань. В таком виде он лежал два дня, а на третий день проходили похороны. Выпечка, молоко и сливки, масло и сахар были безвозмездно пожертвованы друзьями и соседями по этому случаю.

<https://chortitza.org/FB/alwiens.html>

В день смерти моего отца, 16 августа 1914 года, нам сообщили, что все молодые люди должны собраться на школьном дворе со своими лучшими лошадьми. Новость о начале войны была неожиданной. Несмотря на то, что некоторое время газеты были полны подобными слухами, но мы не думали, что это

произойдет. В конце концов, королевские семьи воюющих стран были родственниками. Война принесла много страданий. Всякий раз, когда шли бои слишком близко, нам пришлось эвакуироваться из деревни. Когда от выстрелов трясется земля под ногами, ты охотно идешь. В таких случаях мы не могли взять с собой много вещей; когда мы возвращались, многое из нашего имущества пропадало. В одном доме они устроили полевой госпиталь, и по всему Grossestube была разбросана солома. На самом деле это были немецкие солдаты, которые пытались помешать русским захватить нашу деревню. Они вырыли траншеи рядом с нашей деревней, из которых отбили захватчиков. Я помню, как на нашей деревенской улице была огромная воронка от разрыва снаряда. Немецкие войска находились вблизи нашей деревни в течение целого лета. Мы считали их своими защитниками, они помогали в молотье и несмотря на то, что у них была своя полевая кухня, при любой возможности они принимали пищу вместе с жителями деревни. Когда разразилась революция, было много бед и страданий. Банды преступников совершали набеги и грабили деревни. Наша деревня избежала самого страшного грабежа и кровопролития, потому что была окружена более бедными русскими поселениями. После революции новое правительство отобрало землю у помещиков и разделило ее между безземельными. Это был первый шаг к последующей коллективизации, когда у нас отобрали большую часть земли. То немногое, что у нас осталось, с трудом поддавалось обработке, так как большинство лошадей уже давно были угнаны, сначала солдатами во время войны, а затем бандитами. Мы обменяли одну из наших лошадей на корову. Это означало, что мы должны были запрягать этих двух несовместимых животных вместе, чтобы тянуть плуг. Мы внезапно стали намного беднее, чем были раньше. Наша жизнь осложнялась еще и тем, что правительство постоянно требовало от нас отдать большую часть того немногого, что могла произвести наша оставшаяся земля. Временами мы

беспокоились, что они не оставят нам достаточно зерна даже на семена. В 1921 году мы пережили неурожай, а также вспышку тифа. Это был самый печальный год в моей жизни. У скота не было пастбищ, и многие животные умерли от голода. Два моих младших брата и шурина, который жил с нами, заболели, и моей матери и старшей сестре надо было заботиться о них и днем и ночью. Не успели мои младшие братья полностью поправиться, как заболела моя мать. Мой старший брат должен был заботиться о хозяйстве и помогать моей сестре с мужем. Мне оставалось ухаживать за матерью и мальчиками. Мне было всего шестнадцать лет. В течение двух недель мать была в бреду и постоянно звала меня. Слава Богу, мама поправилась. Позже она говорила, что эти болезни были посланы Богом, чтобы уберечь нас. В то время мы так мало ели, что, по ее мнению, мы могли бы не выжить, если бы не заболели. Это правда, что многие пациенты во время выздоровления ели слишком много и в результате умирали.

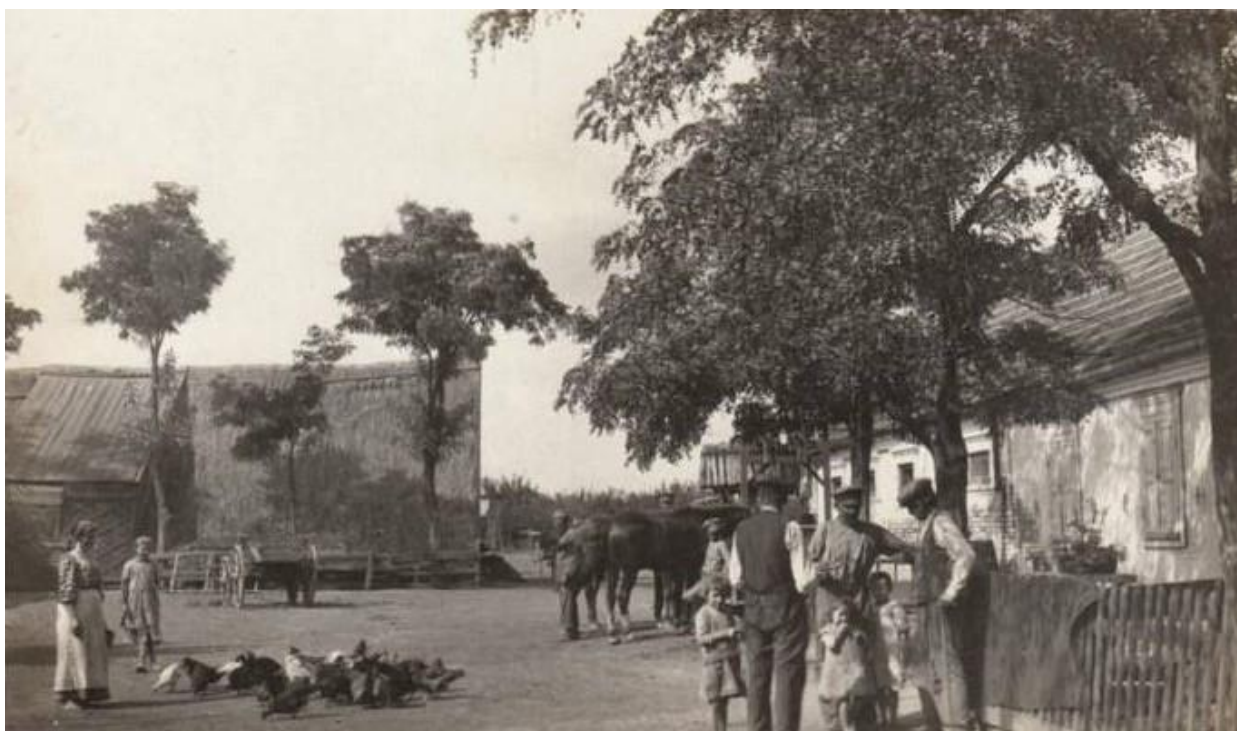
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27183223>

Когда условия немного улучшились, все заговорили об эмиграции. Однако о том, чтобы оставить дом и родину и пересечь океан, говорить не хотелось. Когда правительство начало призывать молодых людей, как немцев, так и русских несмотря на то, что войны не было, нам стало легче думать об отъезде. Моя мать и мои братья тоже хотели уехать. Мать продала землю летом 1926 года, но пришлось ждать до окончания сбора урожая, чтобы получить деньги - к тому времени мы уже уехали. Когда она и мои младшие братья поехали в Москву за паспортами, им отказали. Тогда мама купила маленький домик в немецком поселке Заградовка. Она снова продала эту недвижимость, когда появилась возможность уехать из страны, но и эта попытка не удалась.

Суббота, 7 августа 1926 года, была нашей последней ночью в деревне. Мы уехали на следующий день, в воскресенье днем. В тот день мы все были приглашены к дедушке и бабушке Яша на обед с борщом. Мы задержались на первой железнодорожной остановке, в Барвенково, и нам пришлось сидеть на улице с нашим багажом всю ночь, охраняя его. Это была не очень хорошая ночь. Наконец, в понедельник днем мы продолжили наше путешествие. Несмотря на это, у нас не было никаких сомнений по поводу нашего решения эмигрировать. Наша большая семья оставалась вместе на протяжении всего путешествия. Мы были одной из многих таких семей. Наша следующая задержка была в Москве. Там нас разместили в большом здании, где нам пришлось мириться с насекомыми и другими неудобствами. Мы посетили московский зоопарк и совершили автобусную экскурсию по городу. Мы также видели могилу Ленина. Каждый вечер после 8 часов тысячам людей разрешается войти в гробницу и посмотреть на тело этого человека. Были и другие остановки, прежде чем мы взошли на

борт нашего первого корабля. Каждый раз нам приходилось мыться, а затем представлять на осмотр к врачу. Канадский врач, доктор Drury, осмотрел нас еще до того, как мы покинули нашу деревню. Самой длинной остановкой была Москва. Другой крупной остановкой был Саутгемптон, Англия. Во время путешествия на поезде через Квебек и север Онтарио отец Паулс печально качал головой и в какой-то момент спросил: "Как мы будем здесь зарабатывать на жизнь?". Ничего, кроме камней и деревьев.

Chapter 18 Nikolai Peters. Регулярные церковные службы были хорошо посещаемы. Служителями были Х. Унрух из Петровки, Корнелиус Кран, Ф. Берг и Петер Унгер. Петер Унгер провел некоторое время в Америке и вернулся в Григорьевку со своей семьей в начале 1920-х годов. Он перенял некоторые американские евангелистские практики, которые не были частью григорьевской традиции. Унгер собирал детей, молодежь и всех желающих, сначала в частных домах, а затем в более просторных помещениях, где их учили современным песням с ритмичными хлопками и евангельским песням. Многочисленные имена

родственников и посетителей записаны в дневнике отца. Среди них были Завацкие, Унгеры, Краны, Бартели, Бюлеры, Шредеры, Тиссены, Хьюберты, Фризены, Левены, Редекоты, Паули, Дерксены, Венсы, Пеннеры, Касперы, Янцены, Тоусы, Брауны, Хармы, Варкентины, Гисбрехты, Дюки, Классены, Бергены, Нойфельды, Тшеттеры и пожилой человек по имени Цосон. Все они обменивались визитами, помогали друг другу едой и одеждой, посещали больных и присутствовали на похоронах. Они торговали, продавали и обменивали предметы домашнего обихода, такие как одежда, овощи, лошади и оборудование. Часто совершались поездки в соседние деревни. Барвенково, находившееся примерно в десяти километрах, было деловым и торговым центром. Некоторые люди стали более оптимистично смотреть в будущее и создали Голландский союз (Hollandischer Verband), организацию, призванную возглавить экономическое восстановление поселений. Отец тоже присоединился к этой организации. Однако правительственные приказы и ограничения становились все более обременительными. Многие стали убеждены, что им следует покинуть Россию. Отец подал их анкеты вместе с требуемым взносом в 150 миллионов рублей. Они быстро продали свои скудные пожитки и 17 июля 1923 года сели в эмиграционный поезд, отправлявшийся из России. В Германии их задержали в Lechfeld на шесть месяцев, пока не вылечили глазную болезнь отца. Затем 6 января 1924 года они сошли на берег с лайнера "Montcalm" в St. John, New Brunswick. Они продолжили путь на поезде до Herbert, Saskatchewan, где нашли работу на ферме.

Cornelius and Susanna Sawatzky. John Sawatzky. Рядом с нашим домом у семьи был большой сад, и я помню, как ходил туда с родителями и тетями собирать арбузы. Арбузы грузили на большую телегу с подставками, в которой их везли домой, чтобы разрезать и сварить в большом котле в саду. После долгой варки получался арбузный сироп. Сироп был очень ценен, потому что

он не только был хорош на хлебе, но и был нашим подсластителем, когда не было сахара. Одним из самых ярких событий была поездка на местный пруд (Drtintj) расположенный примерно в километре от деревни. Туда водили пить скот, купать лошадей и, конечно, там все купались. В возрасте пяти лет я чуть не утонул там, зайдя слишком глубоко, когда мама не смотрела. Она увидела, что происходит, и вовремя вытащила меня. Мама была хорошей пловчихой, так как выросла на Днепре в Нижней Хортице, где купалась и рыбачила с братьями и сестрами. Большим удовольствием было ездить в Барвенково с отцом и дядями. Там был открытый рынок (вероятно, по субботам), и отец всегда покупал мне несколько твердых Kring (кондитерских изделий), нанизанных на нитку. Однажды мы поехали туда в воскресенье и попали на богослужение в русской православной церкви. Я помню потрясающее пение. Я был слишком молод, чтобы помнить страхи и неуверенность, которые возникли после Первой мировой войны. Однако в начале двадцатых годов Григорьева была благословлена урожаем и овощами, что избавило нас от голода, который случился в меннонитских деревнях дальше к западу и югу. Мои родители присоединились ко многим другим, кто подал заявление за разрешением покинуть Россию. Я вспоминаю, что в июле 1924 года многие из нас собрались на близлежащей железнодорожной станции для поездки в Америку. Поезд опоздал на день, если я правильно помню, поэтому мы просто разбили лагерь у станции и ждали. Тем временем мой дядя (который не собирался в поездку) вернулся домой и попросил бабушку испечь большую гору блинчиков с вишней. Все это он принес путешественникам на прощальный завтрак. В моей семье было много горя, когда мы прощались с обеими парами родителей, которые остались дома. Для меня сесть в товарные вагоны для большой поездки было большим приключением.

Recollections Justine (Harms) Warkentin. Первоначальными основателями села Григорьевка в 1889 году была сорок одна многодетная семья. Мои бабушка и дедушка, Питер и Хелена Унгер, приехали с шестью детьми; как и в большинстве семей, их число продолжало расти. Община построила школу уже на следующий год. Это здание также служило церковью, поэтому, естественно, религиозное обучение было частью учебной программы. Тяжелая работа была в порядке вещей, и люди гордились тем, что они делали. По соседству с Унгерами жили Бернхарды Кран, у которых была семья из мальчиков. Девочки соревновались в том, кто выкосит больше из своих бесконечных грядок кукурузы, чем это могли сделать мальчики Кран. Доение было женской работой, поэтому их рабочий день начинался очень рано. Пастух из деревни гнал коров на пастбище по всей длине деревня, и доение должно было закончиться до того, как он подойдет к воротам. В течение дня скот пасся на большом общем пастбище; ближе к вечеру все они возвращались на вечернюю дойку. После позднего ужина рабочий день подходил к концу, но еще оставалось время для расслабления, рекреации или просто посещения. Летом молодые люди могли бы отправиться купались, или группы молодых людей отправлялись гулять по обсаженным деревьями улицам. Приходили пожилые люди, играли дети, но к девяти часам деревня устраивалась на ночлег. Утро наступило рано. Зимой женщины вязали, спицами или крючком выполняли необычные работы. Мама была очень взволнована, когда они получили свою первую швейную машинку; это покончило с трудная работа по шитью вручную. Однако бабушка была очень осторожной дамой. Она позаботилась о том, чтобы каждая из ее дочерей научилась шить рубашку исключительно вручную - никогда не знаешь, сколько времени пройдет, прежде чем у тебя перестанут быть швейные машинки. Стирать приходилось вручную примерно раз в месяц. Это была двухдневная работа; все нужно было развесить сушиться, так что хорошая погода была просто необходима.

Меню в день стирки включало Tjieltji (лапшу), потому что вода, в которой они варились, давала крахмал для стирки. Выпечка была синхронизирована с гладкой, потому что утюги приходилось нагревать на плите. Все старожилы могли бы вспомнить истории о том, как вершилось правосудие по отношению к парням, переступившим черту дозволенного. Однажды темной ночью группа молодых людей набросилась бы на преступника. Они накинули на него большое пальто, чтобы он не смог их узнать, а потом избили его. Они настаивали на том, что это было очень эффективно. Непротивление в действии! Картина дома моих бабушки и дедушки очень типична. На рубеже веков большинство домов были построены из кирпича со ставнями на окнах. Дом был пристроен к сараю. Домохозяйства соперничали друг с другом в посадке прекрасных фруктовых и цветочных садов, и перед каждым домом был белый штакетник.

Reunion of former Grigorievka residents and their descendants on July 1, 1938 in Starbuck Manitoba.

EPILOGUE Ted Friesen. Основной целью составления этой книги было записать историю села и его жителей. Мы надеялись, что она будет интересна и значима не только для жителей и их потомков, но и станет еще одним рассказом об истории нашего народа. В ней будет показано, как действовал и реагировал

вчерашний мир, мир безопасности, переживший катаклизм и катастрофу. И попытаться показать, как вера и решимость помогли выжившим, которые эмигрировали, начать новую жизнь в новой стране.

Перефразируя Второзаконие 6, можно сказать: "Когда твой ребенок спрашивает тебя в грядущее время: "В чем смысл свидетельств?" Тогда вы скажете: "Мы были **пленниками в чужой земле**, и Господь вывел нас оттуда могучей рукой, вывел, чтобы ввести нас в новую землю. И будет хорошо, если мы вспомним, что сделал Господь, и ответим Ему благодарностью".

